ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора философских наук
Сергея Дмитриевича Серебряного
на рукопись диссертации
Елены Николаевны Аникеевой

«Теизм (ишвара-вада) в классической индийской философии и его предпосылки: соотношение личного и безличного»,

представленную на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.14 — философия религии и религиоведение.

Диссертационная работа Е.Н. Аникеевой посвящена, несомненно, очень интересной, важной и сравнительно мало исследованной (по крайней мере в отечественной науке) теме. Елена Николаевна поставила перед собой задачу выявить, классифицировать и аналитически описать те представления в истории индийской мысли, которые более или менее подобны представлениям о Боге (с большой буквы) в так называемых авраамитских религиях, прежде всего – в христианстве. В индологической литературе на западноевропейских языках подобные работы существуют (и Елена Николаевна их должным образом изучила и учла), но на русском языке, насколько мне известно, исследований столь широкого охвата еще не предпринималось, хотя, разумеется, есть исследования в сходном плане по конкретным текстам и школам мысли. И эти, отечественные работы Елена Николаевна также должным образом использует в своей диссертации. Данная диссертация написана именно в продожение и развитие отечественных исследований того круга текстов и идей, за которыми в 20-м веке утвердилось название «индийская философия».

Актуальность диссертации также не вызывает сомнений. В наши дни взаимопонимание между разными культурами и, в частности, между разными религиозными традициями становится необходимым условием выживания человества, а диссертация Е.Н.Аникеевой посвящена именно проблемам взаимного понимения между религиозными традициями Индии, с одной стлороны, и авраамитскими религиями, прежде всего – христианством, – с другой.

В качестве отправной точки и в качестве главного понятийного инструмента своего исследования Елена Николаевна выбрала европейский (западный) термин «теизм», который она – с полным основанием – сопоставляет с санскритским словом «ишвара-вада» («ишвара» – 'господин', 'владыка' и т. д.; «вада» – буквально 'речь', 'разговор', но в качестве суффикса – аналог суффикса «изм»).

В начале (первом параграфе) первой главы («Теизм как проблема») Елена Николаевна анализирует сам термин, само понятие «теизм» и приходит

к убедительным заключениям, что, во-первых, этот термин и это понятие сами по себе не обладают желаемой четкостью, а во-вторых, для успешного их приложения к индийскому материалу необходимо ввести еще и дополнительные уточнения и дистинкции. Во-втором параграфе первой главы Е.Н., развивая эту мысль, показывает, что, даже с необходимыми модификациями, понятие «теизм» не может претендовать на центральное положение в интерпретации индийского духовного мира, потому что в этом мире гораздо важнее совсем другие представления, мало или совсем не связанные с дихотомией «теизм» – «атеизм». И в третьем параграфе той же главы Е.Н. показывает, что даже в тех случаях, когда в индийских религиозных дискурсах появляются образы, так или иначе похожие на авраамитского Бога, их природа и их функции в индийском религиозном сознании, оказываются весьма отличными от авраамитских образцов. Как отмечает Е.Н., индийские боги не обладают сравнимой степенью личностности; их бытие и их значимость так или иначе производны от неких безличных (безличностных) абсолютов.

Во второй главе диссертации Е.Н. Аникеева дает аналитический обзор «теистических» (или «квази-теистических») представлений в тех индийских текстах, которые она (очевидно, вслед за В.К.Шохиным) относит к «предфилософии Древней Индии», а именно: в ведических гимнах (параграф 1), в упанишадах (параграф 2) и в «Бхагавад-гите» (параграф 3). Анализ названных текстов проводится весьма профессионально и даже изощренно. У меня есть некоторые сомнения относительно анализа «Бхагавад-гиты», но об этом – чуть далее.

Третья глава диссертации называется «Становление и развитие ишваравады в классической индийской философии». Под «классической индийской философией» в данном случае понимаются в основном тексты, относящиеся к шести наиболее известным «даршанам», или, как их называют западные исследователи, «философским школам»: санкхье и йоге, ньяе и вашешике, мимансе и веданте. Анализ взглядов этих школ проводится с той точки зрения, насколько в них присутствуют идеи, сопоставимые с теистическими. И, с одной стороны, Е.Н. Аникеева снова и снова приходит к выводу, что «индийский теизм» – это, если и вообще теизм, то очень отличный от теизма авраамитских религий, но, с другой стороны, не без явного удовлетворения замечает, что в большинстве названных «школ» теизм так или иначе присутствует – и там, где его вроде бы и не было изначально, он со временем появляется и «отвоевывает» для себя достаточно значимое место. Особое внимание Е.Н. Аникеевой привлекает, разумеется, такой автор, как Удаяна (10-й век), в творчестве которого «индийский теизм» достигает «наивысшего расцвета». Доказательства существования «ишвары» у Удаяны, разумеется, напрашиваются на сравнение с доказательствами бытия Бога в христианской традиции – и страницы, посвященные такому сравнению, на мой взгляд, одни из наиболее интересных в диссертации.

Четвертая глава диссертации называется «Космогонические модели в индийском мировоззрении и философии в ракурсе личного – безличного».

Здесь речь идет уже идет не столько о сравнтельной философии или о сравнительном религиоведении, сколько о сравнительном изучении мифологий, а иногда, как мне кажется, о сравнительной теологии (если такая существует). Так или иначе, выясняется, что индийские мифы о сотворении мира, даже если они в чем-то похожи на более знакомые нам мифы ветхозаветные, тем не менее существенно от оных отличаются.

В Заключении, на девяти страницах, Е.Н. Аникеева вкратце излагает основные выводы своего исследования. Затем идут впечатляющий список литературы из почти пятисот названий и два приложения:

первое – таблица, сравнивающая «политеистическую» (то есть индийскую) и «монотеистическую» (то есть авраамитскую) «религиозные парадигмы» (данную таблицу можно отнести к разряду «выводов»);

второе – очень интересный перевод фрагментов из трактата Удаяны «Ньяя-кусуманджари» (жаль только, что перевод остался без комментариев).

У меня нет никакого сомнения в том, что диссертация Е.Н. Аникеевой – это серьезное и оригинальное научное исследование, предствляющее собой значительный вклад в отечественную индологию.

Перейду к критическим замечаниям и начну с филологических мелочей. В диссертации есть некоторые недоразумения с именами цитируемых иностранных авторов.

Так, бельгиец-иезуит Camille Bulcke (1909–1982) всё время упоминается как «К.Балк», и фамилия его не склоняется, очевидно, потому, что он принят за женщину. Вероятно, Е.Н. Аникееву ввело в заблуждение имя Camille, которое она приняла за женское. Но это французское имя – вполне мужское. Ср. Camille Desmoulins (Камиль Демулен, 1760–1794), Camille Pissarro (Камиль Писсарро, 1830–1903), Camille Saint-Saëns (Камиль Сен-Санс, 1835–1921) и др. И фамилия эта произносится именно как «Бульке», о чем свидетельствует, например, ее транскрипция письмом дэванагари: कामिल बुल्के (см. страницы Википедии на английском и на хинди: http://en.wikipedia.org/wiki/Camille_Bulcke).

Американский иезуит Фрэнсис Клуни (Francis Xavier Clooney, см. http://en.wikipedia.org/wiki/Francis_Xavier_Clooney), однофамилец известного голливудского актера Джорджа Клуни (George Timothy Clooney), назван в диссертации «Френсис Клюни», что, вероятно, навеяно известным по истории европейской философии именем «Аббатства Клюни» (L'abbaye de Cluny).

Шотландец Nicol Macnicol (1870–1952) фигурирует в диссертации как «Н.Макниколь» и тоже явно воспринимается как женщина (в автореферате с ним ассоциируются местоимения женского рода). Католический теолог Raimundo Panikkar (1918–2010) упомянут как «Р. Панникар» (с. 66).

Есть проблемы и с индийским (санскритским) словом, вынесенным в заглавие диссертации: «ишвара-вада». Стоило бы проследить, в каких именно текстах и когда появляется и используется это слово. В одном из наиболее полных словарей санскрита, в словаре М. Моньер-Уильямса, слово «ишвара-

вада» есть, но при нем дана лишь одна «глухая» ссылка: «Название [некоего] произведения». Очевидно, что слово это не имело широкого распространения. Возможно даже, что это своего рода санскритский неологизм, созданный или, по крайней мере, получивший популярность уже совсем в новое время именно как калька слова «теизм». Санскритское слово-суффикс «-вада» очень часто используется в новых индийских языках для какликирования суффикса «-изм». Так, например, на хинди «марксизм» будет «маркс-вад», «социализм» – «самадж-вад», «монотеизм» – «екешвар-вад» и т. д.

И само слово «ишвара» заслуживало бы более детального рассмотрения – в контексте других слов санскрита с близкими значениями. При чтении диссертации Е.Н.Аникеевой у неспециалиста (неиндолога) может сложиться впечатление, что слово «ишвара» в санскрите – если и не единственное, то чуть ли не самое главное среди тех, которые могут быть сопоставлены по смыслу с такими нашими словами, как «Бог», «Господь» и т. д. На самом деле это далеко не так. Слово «ишвара» отнюдь не единственное и совсем не главное на этом семантическом поле.

Показателен в этом плане случай «Бхагавадгиты». К сожалению, я должен отказаться от звания «одного из ведущих современных исследователей Гиты» (с. 131), которым наградила меня Е.Н. Аникеева. Столь же спорны и те утверждения третьего параграфа второй главы (посвященного «Гите»), в которых появляется слово «Ишвара». Так, в самом начале этого параграфа Е.Н.Аникеева пишет: «В "Бхагавадгите", по существу, представлена исторически первая предфилософская если не концепция, то ядро/концепт индийского теизма на основе понятия Ишвары как личного Бога Создателя и Вседержителя вселенной...» (с. 129). Но вряд ли стоит вообще говорить о «понятии Ишвары» в «Бхагавадгите». Во всяком случае, слово «ишвара» появляется в этой знаменитой поэме всего лишь несколько (а именно двенадцать) раз и в нескольких разных значениях. Иногда (отнюдь не в большинстве случаев) здесь это слово действительно значит нечто вроде «Верховный Бог» – и выступает как определение Кришны, но в других контекстах оно значит просто «владыка» или «хозяин» (применительно к человеку). Иными словами, в «Гите» слово «ишвара» не используется как ключевой термин и не служит постоянным знаком какого-либо понятия. Показательно, что Р.Ч. Зэнер (Robert Charles Zaehner, 1913–1974), который в своем известном комментированном переводе «Гиты» (Оксфорд, 1969) попытался дать этому памятнику христианскую (католическую) интерпретацию, практически обошел молчанием слово «ишвара». Возможно, именно из-за этого Е.Н. Аникеева в своей диссертации обошла молчанием труд самого Р.Ч. Зэнера.

В то же время нельзя не заметить, что среди исследований на западных языках, использованных в диссертации, важное место занимают работы именно авторов-христиан. Так, вышеназванные Камиль Бульке и Фрэнсис Клуни – иезуиты, Никол Макникол и Дж.Э. Карпентер (Joseph Estlin Carpenter, 1844–1927), насколько мне известно, были так или иначе связаны с

христианской миссионерской деятельностью в Индии. И даже имя автора-индианки Visveswari Amma, вполне возможно, – имя христианское.

Преобладание авторов-христиан-миссионеров среди тех, кто писал об «индийском теизме» вполне понятно. В двадцатом веке многие миссионеры пытались обнаружить в индуизме такие черты, которые были бы наиболее близки христианству, чтобы, используя эти черты, наиболее эффективно вести среди индусов миссионерскую деятельность. Символично в этом плане название ранней книги вышеназванного Раймундо Паниккара: «Незнаемый Христос индуизма» («The Unknown Christ of Hinduism», 1964). Однако, насколько мне известно, в настоящее время подобные попытки отыскать «скрытое христианство» в индуизме уже не привлекают к себе такого же внимания, как прежде. В наши дни, пожалуй, больше акцентируют различия между религиозными традициями.

Я далек от мысли приписывать Е.Н. Аникеевой миссионерские устремления. Но нельзя не заметить, что в диссертации христианство, христианские понятия нередко выступают в качестве эталонных, образцовых, – и индийские представления как бы «обмериваются» с помощью данных эталонных мер. Впрочем, в этом (как и в известном пренебрежении филологией) Е.Н.Аникеева всего лишь следует «мэйнстриму» в отечественных исследованиях по истории индийской философии и, в частности, одному из наших ведущих специалистов в этой области – В.К. Шохину. Так, несколько лет назад, мне случилось слушать доклад В.К. Шохина о понятии «вера» в индуизме. Основная идея доклада заключалась в том, что у индусов вера – почти что и не вера, потому что она не соответствует определению веры, данному апостолом Павлом. Это напомнило мне советские времена, когда ссылка на Маркса или Ленина могла служить решающим аргументом в споре.

Увы, былые времена напомнила мне и ссылка на Ангелу Меркель и В.В.Путина в начале диссертации Е.Н.Аникеевой. Это очень похоже на цитаты из «последних постановлений партии и правительства», которые часто появлялись в публикациях советских лет. Не думаю, что нам стоит восстанавливать эти славные традиции.

Возвращаясь к «Заключению» диссертации, позволю себе не согласиться с одним из выводов, в нем сформулированных. Е.Н.Аникеева пишет: «В диссертации обоснована возможность и эффективность применения категории "теизм" (наряду с категориями "пантеизм", "панентеизм" и т. д.), выработанных в западной философии, к индийским учениям» (с. 259). На мой взгляд, диссертация, может быть, и вопреки намерениям ее автора, доказала скорей обратное: термин (понятие) «теизм» не очень помогает разбираться в истории индийской мысли. Ценность диссертации Е.Н. Аникеевой, на мой взгляд, состоит, помимо всего прочего, именно в том, что, попытавшись последовательно и тщательно приложить понятие «теизм» к тем частям индийского духовного наследия, к которым оно, это понятие, как будто приложимо, Елена Николаевна блестяще показала тщету и бесперспективность подобных усилий. И это, на мой взгляд, тот

случай, когда отрицательный результат не менее ценен, чем результат положительный.

Заключение. Учитывая научную эрудицию диссертанта, а также смелость, новизну и актуальность проведенного исследования, я полагаю, что представленная диссертация

«Теизм (ишвара-вада) в классической индийской философии и его предпосылки: соотношение личного и безличного»,

в полной мере соответствует

требованиям, предъявляемым ВАК РФ к докторским диссертациям на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.14 — философия религии и религиоведение,

а также пункту 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842,

и поэтому автор диссертации, **Елена Николаевна Аникеева,** заслуживает присвоения ей искомой ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.14 — философия религии и религиоведение.

С.Д. Серебряный 27.02.2015

Официальный оппонент
Сергей Дмитриевич Серебряный,
доктор философских наук,
директор Института высших гуманитарных исследований (ИВГИ)
им. Е.М. Мелетинского
Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ);

почтовый адрес РГГУ: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, 6;
телефоны: +7-495-250-61-18; +7-495-250-66-68 (ИВГИ)
эл. адреса: rggu@rggu.ru , ivgi@rggu.ru

С.Д. Серебряный
УДОСТОВЕРЯЮ
Начальник Управления кадров